

Дарья Невская
Латвийский университет, Рига

ВВЕДЕНИЕ

В одной из своих самых блестящих книг *В тени Гоголя* Андрей Синявский (Абрам Терц) обратил внимание на универсальность личности Николая Васильевича Гоголя. Универсальность эта, по мнению исследователя, состояла в его способности,

[...] будучи писателем, рассматривать себя прирожденным профессионалом в какой-то иной области, причем последняя становится непосредственным продолжением поля его писательской деятельности. Ему как будто все равно писать книги или, допустим, заниматься хозяйством, поскольку в хозяйстве он также осуществляет свой изначальный дар»¹.

И, развивая этот тезис, Синявский делает очень точный вывод, который объясняет не только природу гоголевского творчества, но и дает описание новому, доселе неизвестному русской литературе, типу писателя:

Может быть, он был бы христианским подвижником? Строителем? Военачальником? Но участь его была родиться поэтом, притом особой закладки, кому мало поэзии в собственном смысле слова и подавай для творческой акции все мироздание. Во всяком случае по складу дарования он далек от поэта в том чисто поэтическом понимании, как утвердил его Пушкин [...], поэта как замкнутой, самоценной монады, которая несет в себе все и исчерпывается собою. Гоголь своей продуктивной силой ищет разлиться вширь и приобщить к своему совершенству все мыслимые пространства человеческого бытия и сознания. Гоголь — как Ноздрев, который, показывая границу, где оканчивается его земля, говорит: «все, что ни видишь по эту сторону, — все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синееет, и все, что за лесом, — все мое»².

И этот универсализм личности Гоголя состоит в ее способности охватывать все виды «продуктивной деятельности»³, все считать своим

¹ А. Терц: *В тени Гоголя*. Москва: Аграф 2001, с. 178.

² Там же, с. 179.

³ Здесь Синявский использует «учение» Гете о «продуктивной деятельности»: с точки зрения Гете, все виды «продуктивной деятельности», в том числе искусство,

и прорасти во все до чего он касался мыслью ли, пером ли, передавая эту широту охвата жизни своим творениям, воплощаясь в них во всех ипостасях, которые только были доступны его творческой фантазии. На мой взгляд, в своем умении уловить восприимчивость и пластичность мира, и способности воплощать эту восприимчивость, Гоголь сумел достичь тех духовных высот, к которым стремился всю жизнь. Русский религиозный философ Павел Александрович Флоренский указывал на то, что одной из идей, из которых сплетается ткань культуры, является идея Воплощения духовной ценности мира:

Само понятие культуры предполагает и ценность воплощаемую, а, следовательно — сущую в себе, неслиянно с жизнью, и воплощаемость ее в жизни, так сказать пластичность жизни, тоже ценной в своем ожидании ценности, как глины, послушно перстам ваятеля [...] ⁴.

В качестве условия воплощаемости абсолютной ценности в культуру Флоренский называет «восприимчивость жизни». Павел Флоренский связывает идею «восприимчивости жизни» с идеей целостности, которая противостоит «смертоносной» разделенности, раздробленности ⁵. Когда нет целостности — жизнь теряет способность к восприимчивости ценности и культура погибает. Если спроецировать эти, предложенные философом, духовные условия существования русской культуры (восприимчивость жизни, целостность, воплощаемость) на личность и творчество Николая Гоголя, то можно сделать смелый вывод о том, что он и есть знак, символ русской культуры середины XIX века — культуры, балансирующей на грани между, достигшей высот восприимчивости-целостности-воплощаемости жизни/культуры/художника и ощущением приближающейся «смертоносной» разделенности этой гармоничной целостности жизни/культуры/художника. Предположу, что из-за этого предчувствия потери целостности и, следовательно, гибели культуры, духовные истоки которой находились в глубокой древности, его преследовали мучения, страхи, недовольство собой и миром при сохраняемой им способности нести в себе эту целостность и гармонию.

Это предположение позволяет мне ответить на вопрос, который очень долго занимал меня:

как бы взаимозаменяемы, и «человек высшего порядка, творя одно, творит все, или, говоря менее парадоксально, в этом одном, в совершенстве выполненном, он видит символ всего того, что выполняется в совершенстве» (*Годы странствия Вильгельма Мейстера*). Там же, с. 178.

⁴ П. Флоренский: *Троице-Сергиева Лавра и Россия*. «Прометей» 1990. № 16, с. 402.

⁵ В статье Павла Флоренского речь идет о влиянии идеи Троицы, символизирующей «живоначальное единство», на русскую культуру.

Почему «из Гоголя» весь XX и десять лет XXI века можно было творить как из очень пластичного материала все что угодно, и он, Гоголь, выдерживал все новые и новые воплощения его произведений, идей, личности, судьбы? Почему «из Гоголя», как из первого комка глины в руках Создателя, можно замешивать любые фильмы, спектакли, статьи, романы и каждый раз получается, что-то очень гоголевское в смысле восприимчивости и воплощаемости? И вроде бы все мы, кто когда-либо прикасался к его наследию — наследники культуры модернизма/постмодернизма, отражающих дискретное восприятие мира, лишённого целостности, разъятого на цитаты и неупорядоченные фрагменты, отставшие от предыдущих эпох. Неужели мы получили способность воспринимать в его творчестве ту, синтезированную им, восприимчивость-целостность-воплощаемость жизни/культуры/художника?

Представленный в этом номере журнала корпус статей филологов из Латвии и Литвы, посвященный Николаю Гоголю, позволяет мне с полным основанием утверждать, что все авторы «творили из данного вещества», которое несет в себе способность из него творить. Само это «вещество» порой уже является результатом восприимчивости и воплощаемости гоголевских текстов и идей его «наследниками» — писателям, художникам, режиссерами. И мы — литературоведы, лингвисты, культурологи и учителя — продолжаем свято верить в то, что принимаем посильное участие в этой «продуктивной деятельности», прикасаясь к тому, который творил в совершенстве одно, а на самом деле творил все и, возможно, всех... нас.

Рига, 28.01.2011